

19.03.98
Русский телеграф. —
1998. — 19 марта. — с. 10.

Вакансия поэта

Концерт Курта Мазура и Елизаветы Леонской

Елизавета Леонская и Курт Мазур на московской сцене

В Большом зале консерватории проходит цикл концертов, посвященных Святославу Рихтеру. Мы уже писали о первом концерте цикла, прошедшем при огромном стечении публики: Евгений Колобов с «Новой оперой» исполнили Реквием Моцарта. Уз-

ко мемориальное, условно романтическое, затхло качественное, это исполнение никак не могло претендовать на то, чтобы выстроить живой мост с искусством Рихтера, его эпохой, его темами. Не то — второй концерт цикла, в котором Елизавета Леонская и

Курт Мазур исполняли Фортепианный концерт Шумана. Только очень отважные люди могли решиться на то, чтобы играть перед портретом Рихтера один из самых коронных, принципиальных, эталонных номеров его репертуара.

Роль рихтеровского концерта Шумана в советской культуре огромна. В эпоху, представленную в ретроспективе «Намедни», он выражал — не более и не менее — кредо интеллигенции. Это можно даже объяснить, и почти просто. В любом концерте есть солист и оркестр, и, говоря намеренно вульгарно, их отношения могут быть услышаны как отношения личности с обществом. В концерте Шумана оркестр, ломая метр и ритм ликующего финала, вступает с маршем, веселым, праздничным и немного агрессивным. Этот марш, словно ворвавшийся в окно с улицы, подхватывает на рояле восторженный романтик. Поэт, красуясь и закидывая волосы, присоединяется к шествию масс, повинувшись действию красоты и не желая подозревать в мире обмана; Рихтер играет это место так, что возникает ощущение сознательного, с легким насилием над собой принятого решения. Внутренняя битва, тянущаяся с 30-х годов — «И разве я не мерюсь пятилеткой, не падаю, не подымаюсь с ней? Но как мне быть с моей грудной клеткой и с тем, что всякой косности косней?» — приводит к апофеозу, не отменяющему грусти о потерях.

Елизавета Леонская, раньше выступавшая в ансамбле с Рихтером, а теперь исполнившая шумановский Концерт, играла его в на-

ши дни, когда никому уже не «оставлена вакансия поэта»; а исполнять текст, ставший ментальным, не имея новой собственной темы, невозможно. Наверное, поэтому оркестр, несмотря на все усилия Курта Мазура, не проявил никакого энтузиазма, а сама пианистка, столь ценимая сейчас в Европе за сдержанность и вкус, цедила шумановские фразы, как гувернантка перед лицом чекиста. Убедившись лишь в том, что воспитанности манер недостаточно там, где речь идет о «высшей страсти».

Вторая часть программы могла бы привлечь публику в зал и безо всякой связи с поводом и именами. Исполнения симфоний Брукнера у нас редки, а удачные — как Девятая с «плетневыми» и дирижером Кристианом Ганшем в начале сезона — и вовсе наперечет. Курт Мазур, нынешний шеф Нью-Йоркского филармонического оркестра, в этом сезоне — кто бы мог предположить? — появляется на московской сцене уже второй раз. И если в прошлый раз этот темпераментный аккуратист не смог предложить ничего, кроме стертой Пятой симфонии Чайковского и спотыкавшихся «Птенцов» Мусоргского, сейчас все было куда серьезнее. Мазур по Брукнеру — настоящий специалист, еще со своей гэдэровской поры: в его записях, выпускавшихся фирмой Eterna, полифоническое плетение тем явлено досконально, оркестровые группы выстроены на славу, а ход знаменитых предыктовых нарастаний налажен на сто процентов.

Как сказал сам Мазур, тоже в свое время выступавший с Рихтером, Брукнер входил в число музыкальных пристрастий пиани-

ста. Трудно, правда, найти в творчестве Рихтера что-либо подобное провинциальному простодушию брукнеровского искусства, как и его доверчивому следованию чувственным кровавостям романтического века. Однако если вспомнить, как Рихтер играл Шуберта (а немало корней Брукнера как раз в шубертовской почве), то можно предположить, что плоскостью схода является вытянутая во времени, почти безвременная, медитативная форма. Чтобы обеспечить ее исполнение на нынешней московской сцене, Курту Мазуру требовалось за дватри репетиционных дня преподать музыкантам Государственного академического симфонического оркестра всю ту науку, какую он годами пестовал с оркестрами Лейпцига и Нью-Йорка. К чести маэстро можно сказать, что он одержал победу. В особенности первая часть, но и остальные тоже свидетельствовали о том, что музыканты Евгения Светланова и в отсутствие своего руководителя сохранили способность к высокой мобилизации мастерства, что выражалось прежде всего слитностью медной группы, не испуганной присутствием в своих рядах четырех «вагнеровских туб», твердой игрой первого трубача, тщательностью и точностью у деревянных, единством штриха у струнных. И хотя время для подлинных брукнеровских откровений на нашей сцене еще не пришло, альянс русских музыкантов и немецкого дирижера был достоин права демонстрировать плоды своих усилий рядом с портретом ушедшего гения.

ПЕТР ПОСПЕЛОВ

МИХАИЛ АБРАМОВ/РТ